

Гу Цзинцзэ на цыпочках вошел в комнату, держа в руках миску с пшеничной кашей, и выкопал из-под одеяла Цзян Фэна, который крепко прижимал к груди плюшевого медвежонка. Привычным, отточенным движением он подхватил его на руки прямо вместе с одеялом.

— Открой рот.

Услышав голос Гу Цзинцзэ, Цзян Фэн машинально приоткрыл рот, и ложка горячей каши тут же согрела его больной желудок, принеся долгожданное облегчение.

Прислонившись к груди Гу Цзинцзэ, Цзян Фэн сделал еще несколько глотков и лишь тогда медленно приоткрыл глаза, в упор глядя на Гу Цзинцзэ.

— Обжегся?

Цзян Фэн покачал головой, давая понять, что нет.

— Вот и хорошо. Открой рот.

Гу Цзинцзэ поднес ложку к губам Цзян Фэна.

Цзян Фэн только собрался заговорить, как его тут же накормили. Покончив с едой, он заранее пресек попытку Гу Цзинцзэ продолжить кормежку и, немного помедлив, все же не выдержал и спросил:

— Ты уезжаешь сегодня во второй половине дня?

— Мм, уезжаю. Мой график и так задержался на много дней.

Он помешал ложкою кашу в миске.

— Понятно.

Цзян Фэн больше ничего не сказал. Получив ответ, он послушно позволил Гу Цзинцзэ докормить себя, пока миска не опустела.

Глядя на пустую посуду, Гу Цзинцзэ почувствовал легкое разочарование — он еще не наешился кормлением.

Заметив, как Гу Цзинцзэ не сводит глаз с пустой миски, Цзян Фэн, кажется, догадался, почему тот застыл на месте. Вытащив руку из-под одеяла, он дернул Гу Цзинцзэ за запястье и мягко произнес:

— Я не наелся.

Гу Цзинцзэ отставил миску, и разочарование в его глазах мгновенно сменилось ликованием. Он ласково прижался к покрасневшей щеке у себя на руках, соприкоснувшись лбами и кончиками носов.

— Сходить за еще одной порцией?

Цзян Фэн опустил глаза, слегка смущенный столь близким контактом, и глухо угукнул.

— Чмок. Какая послушная у меня крошка.

Получив разрешение, Гу Цзинцзэ взял опустевшую миску и легкой походкой спустился вниз, переполненный радостью.

— Больше не буду, я наелся досыта.

Цзян Фэн погладил свой заметно округлившийся живот и нахмурился, выглядя крайне озасаченным. Гу Цзинцзэ посмотрел в миску и, заметив, что там еще осталось много еды, счел это немного расточительным, но все же не стал заставлять Цзян Фэна доедать. Он протянул руку и запустил ее под пижаму Цзян Фэна — холодное прикосновение коснулось его слегка выпирающего живота, отчего Цзян Фэн невольно вздрогнул.

Цзян Фэн заерзал, пытаясь убрать чужую руку со своего живота, но стоило ему только вцепиться в предплечье Гу Цзинцзэ, как у самого уха раздался полный жажды и хриплый голос:

— Не ерзай, я тебе помассирую, а то потом опять заболит.

— Но... — Ему было очень некомфортно. Не успел Цзян Фэн договорить свои нерешительные слова, как уха коснулось что-то прохладное.

Гу Цзинцзэ успокаивающе поцеловал Цзян Фэна в ухо:

— Будь хорошим, я немного помну, и сразу полегчает.

Хорошо хоть на словах все так и было, но вот его шарящая рука — это совсем другое дело.

Цзян Фэн лежал к Гу Цзинцзэ спиной, позволяя тому «массировать живот», а сам крепко прижал к груди плюшевого медвежонка, пытаясь притвориться спящим и подавить рвущиеся наружу чувства.

Когда ему что-то не нравилось, он всегда сопротивлялся, и лишь когда выхода не оставалось и путь был отрезан, он обнимал плюшевого медвежонка в поисках утешения.

Гу Цзинцзэ не стал заходить слишком далеко. Вскоре он отпустил Цзян Фэна, повернулся и спустился вниз, откуда из довольно большой коробки достал плюшевого медведя размером с полметра и поднялся наверх.

Он забрал медвежонка из объятий Цзян Фэна и всунул ему в руки медведя побольше:

— Обнимай этого. Твой медведь уже слишком старый, я тебе заменил его, нравится?

В его голосе звучало сплошное предвкушение, но ожидаемого ответа не последовало.

Цзян Фэн лишь растерянно смотрел, как забирают его плюшевого медвежонка, и чувство безопасности внутри него мгновенно испарилось — оставалось лишь надеяться, что Гу Цзинцзэ вернет его обратно. Однако Гу Цзинцзэ тут же небрежно швырнул старого медведя в мусорное ведро.

Во взгляде читалось легкое брезгливое презрение.

Цзян Фэн замер, и только попытался встать, чтобы вытащить медведя из мусорки, как ему в руки уже всунули совершенно нового медведя гораздо лучшего качества. Прерванный Цзян Фэн посмотрел на медведя в своих руках, и паника в его глазах стала еще сильнее. Он вцепился в шерсть игрушки, которую прижимал к груди, и сдерживаемые до сих пор эмоции выплернулись наружу.

Цзян Фэн отбросил плюшевого медведя, которого держал, поднялся на ноги, не обращая внимания на ошеломленный взгляд Гу Цзинцзэ, бросился к мусорному ведру и крепко прижал к груди своего собственного медведя, совершенно не заботясь о том, чистый он или нет.

Увидев, что Цзян Фэн словно сошел с ума, Гу Цзинцзэ тут же шагнул вперед, чтобы остановить его. Но едва его рука коснулась Цзян Фэна, как тот свирепо уставился на него, словно на заклятого врага.

— Отдай! — Гу Цзинцзэ был недоволен тем, что Цзян Фэн так растоптал его гордость. Его тон звучал сурово, не терпя возражений со стороны сидевшего на ковре Цзян Фэна.

— Гу Цзинцзэ, с чего ты вообще решил, что мне нравится всё, что ты даешь... Разве тебе не приходило в голову спросить меня заранее? — Цзян Фэн с трудом подавлял внутренний порыв, стараясь говорить с человеком перед собой как можно мягче.

Однако за то время, пока Гу Цзинцзэ возвращал Цзян Фэна обратно, его самолюбие уже неоднократно ущемляли, причем инициатором почти всегда выступал он сам, хотя всякий раз поводом для недовольства становилось его собственное поведение.

Но как человек, вокруг которого все вились с самого детства, мог бесконечно терпеть подобное? Мимолетному увлечению рано или поздно приходит конец.

Заметив, что его добрые намерения растоптали, да вдобавок еще и услышав упреки со стороны Цзян Фэна, Гу Цзинцзэ почувствовал, что остатки бывшего интереса испарились. Выражение его лица стало мрачным:

— Цзян Фэн! С чего ты взял, что я буду вечно терпеть твои выходки?! Ты что, забыл, что я выкупил тебя за деньги? Должен знать: без тебя моя жизнь будет идти точно так же гладко, я просто понесу небольшие убытки.

Услышав это, Цзян Фэн почувствовал, как его сердце вновь оледенело. Ему хотелось всё бросить, пойти на компромисс, но бушующая внутри любовь твердила обратное: он не мог сдаться. Раз уж ему с таким трудом удалось отыскать того самого мальчика из детства, разве мог он добровольно вновь потерять это милое воспоминание?

Цзян Фэн опустил голову и до самого конца так и не поднял ее, чтобы встретиться взглядом с стоящим перед ним человеком. Трудно сказать, сколько длилось это противостояние, но в конце концов Цзян Фэн выбрал второе. Прямо на глазах у Гу Цзинцзэ он бросил своего плюшевого медведя в мусорное ведро, с трудом поднялся на ноги и подобрал с ковра ту игрушку, которую купил Гу Цзинцзэ.

Медленными шагами он приблизился к Гу Цзинцзэ, остановился перед ним и первым опустил голову, пытаясь угодить:

— Прости, я был неправ...

Лицо Гу Цзинцзэ немного смягчилось. Глядя на человека, который первым пошел на попятную и просил омирения, он слегка вздрогнул, а в глубине его глаз промелькнуло любопытство.

Цзян Фэн, решив, что Гу Цзинцзэ еще не остыл, сам подался вперед и коснулся губами его губ.

— Мне очень нравится, спасибо, — произнес он тихим, мягким голосом, словно вновь превратившись в того прилипчивого Цзян Фэна, что был вчерашним вечером.

Гу Цзинцзэ поднял руку, потрепал Цзян Фэна по голове, бросил взгляд на плюшевого медведя в мусорном ведре, и выражение его лица стало сложным.

Тоном мягче он произвел:

— Я велю кому-нибудь вычистить твоего медведя, а пока поспи с тем, что у тебя в руках.

Услышав это, потухший взгляд Цзян Фэна постепенно обрел жизнь. Он протянул руки и обнял Гу Цзинцзэ, глухо ответив:

— Хорошо.

Гу Цзинцзэ никак не ожидал, что Цзян Фэн окажется таким послушным. Ледяное выражение на его лице мгновенно сменилось уступчивым видом Цзян Фэна; он с нежностью наклонился, прикоснулся губами к губам Цзян Фэна и ласково произнес:

— Ну вот, совсем другое дело. Зачем так вспылить? Как же хорошо, когда ты послушный.

Снова услышав это слово — послушный, — Цзян Фэн не почувствовал ни радости, ни удовольствия от похвалы. Ему это показалось невероятно ироничным. Раньше он этого не понимал, но теперь думал именно так.

— Я буду, — прошептал он смиренным, угодливым голосом.

Увидев это, Гу Цзинцзэ обнял Цзян Фэна за талию, наклонился и с жаром впился в его губы.

Внезапный поцелуй обрушился подобно буре, застигнув Цзян Фэна врасплох. Он не сопротивлялся, послушный и безвредный, утративший свою первозданную дикость, словно поистине домашнее животное, которое умеет лишь безостановочно угождать и совсем не способно дать отпор. Цзян Фэн крепко сжимал в кулаках лацканы одежды Гу Цзинцзэ. Капля слезы невольно сорвалась с его ресниц, но тут же была смахнута ладонью Гу Цзинцзэ, который бережно держал его лицо в своих руках.

— Такой послушный? Из-за тебя мне сегодня даже уходить расхотелось. Поедешь со мной в командировку, м? Цзян Фэн?

Глаза Гу Цзинцзэ были глубокими и темными, он с нежностью потирался щекой о разруганное лицо Цзян Фэна.

— Угу, — взгляд Цзян Фэна затуманился, зрачки постепенно расширились.

Гу Цзинцзэ поцеловал Цзян Фэна в щеку, подхватил человека с кровати на руки и занес в гардеробную, спрашивая, что тому нужно взять с собой.

Цзян Фэн поднял тяжелые, ослабшие веки и молча указал пальцем на гору вещей, купленных самим Гу Цзинцзэ. Он не стал показывать на старую одежду, которую привез с собой из боксерского зала, потому что знал: Гу Цзинцзэ ее терпеть не может и считает ужасно безвкусной. Стоило Цзян Фэну надеть что-то из того старья, как Гу Цзинцзэ тут же принимался донимать его, заставляя переодеться в то, что купил он сам.

— Мм-ма, какой у тебя вкус! — в глазах Гу Цзинцзэ плясали веселые искорки, а на лице читалось чистейшее обожание Цзян Фэна.

Указав на одежду, Цзян Фэн больше не произнес ни слова. Подобно тряпичной кукле, он тихо приник к плечу Гу Цзинцзэ, позволяя тому самому выбирать и переодевать его.

Гу Цзинцзэ тщательно нарядил Цзян Фэна и, любуясь собственным творением, переполнился гордостью. Он тут же подхватил Цзян Фэна на руки, поднес к зеркалу и поставил рядом, чтобы тот тоже оценил результат.

Цзян Фэн замер, с удивлением разглядывая свое отражение. Когда до него дошло, все тело пронзило неприятное, тягостное чувство. Он повернулся, поднял взгляд на Гу Цзинцзэ и с нервной дрожью в ресницах тихо попросил:

— Можно я застегну верхнюю пуговицу? Мне немного прохладно.

Голос его звучал робко, он не смел говорить громко.

— Конечно можно. Я изначально и не собирался выпускать тебя наружу расстегнутым, просто хотел полюбоваться. Делиться такой красотой с остальными я вовсе не намерен.

Гу Цзинцзэ остался очень доволен добровольной инициативой Цзян Фэна, в его взгляде плескались темное чувство собственности и неукротимая любовь.

Цзян Фэн на мгновение растерялся, глядя на Гу Цзинцзэ. Он протянул руку, мягко коснулся бровей и глаз возлюбленного и заглянул ему в лицо. На душе от этого стало удивительно тепло и хорошо — казалось, в этот самый момент Гу Цзинцзэ принадлежал только ему одному, и во всем мире для него существовал лишь он.

— Нравится, — тихо пробормотал он, скорее сам себе, чем собеседнику.

Сбитый с толку внезапной сменой темы, Гу Цзинцзэ не сразу сообразил, в чем дело. А когда понял, уголки его губ поползли вверх еще выше, словно он купался в лучах абсолютного счастья. Перехватив руку Цзян Фэна, он прижался щекой к его ладони, позволяя тому получше рассмотреть его:

— Раз нравится — смотри почаще. Красавец же у тебя муж, правда?

Цзян Фэн густо покраснел от столь бесстыдного заявления и тут же отвернулся, охваченный паникой — он просто не выдерживал столь мощного удара по глазам чужой ослепительной красотой.

— Ха-ха-ха... Смутился? Ничего, посмотришь подольше — и привыкнешь. Муж разрешает любоваться.

Гу Цзинцзэ силой повернул избегающее его взглядов лицо Цзян Фэна обратно, заставляя смотреть прямо на него. Он нарочно подался ближе, а в его темных зрачках зажглись хищные искорки — он смотрел на человека перед собой так упорно и маняще, что у Цзян Фэна мгновенно помутилось в голове.

— Бесстыдник... — Цзян Фэн оттолкнул близко придвинувшееся лицо Гу Цзинцзэ. Лицо его уже давно пылало ярким румянцем, и если бы не предел его терпения к бесконечным насмешкам, он бы ни за что не стал сопротивляться.

Видя, что Цзян Фэн вот-вот оцетинится колючками, Гу Цзинцзэ благоразумно немного отступил, но всё же не упустил случая довести парня до полного взрыва, и лишь тогда успокоился.

Цзян Фэн со страхом во взгляде уставился на собственную ладонь и дрожащим голосом

произнес:

— Прости... я не хотел тебя бить.

Гу Цзинцзэ прикрыл ладонью пострадавшую щеку, но вовсе не выглядел сердитым — на его лице играла лукавая ухмылка. Он снова подался к Цзян Фэну, уткнулся носом ему в грудь и, подняв глаза, снизу вверх уставился на него:

— Ничего страшного, ты ударил совсем не больно, можешь не извиняться.

Он перехватил руку Цзян Фэна и осмотрел ее:

— Руку не отбил?

— Нет, — Цзян Фэн попытался отдернуть руку, но Гу Цзинцзэ крепко сжал ее и поцеловал в костяшку. — Поставил печать, теперь ты официально мой.

Гу Цзинцзэ сиял так широко, будто эта улыбка ничего не стоила.

— Я и так твой, — пробормотал Цзян Фэн совсем тихо. Высвободившись из хватки Гу Цзинцзэ, он резко отвернулся и зарылся лицом в одеяло, пряча покрасневшие до темно-алого оттенка щеки.

Гу Цзинцзэ не смог сдержать улыбки при виде того, до чего же сильно смутился Цзян Фэн. Больше не донимая его, он отправился в гардеробную дособирать оставшиеся вещи.

— Поехали, — бросил Гу Цзинцзэ, выходя с двумя чемоданами наперевес к отдыхающему на кровати парню.

Сделав пару шагов, он замер. Заметив, что Цзян Фэн на кровати не шевелится, Гу Цзинцзэ о чем-то задумался, развернулся и направился обратно.

— Цзян Фэн? Заснул что ли?

Он легонько потрепал Цзян Фэна по прядям волос.

Но тот по-прежнему не подавал признаков жизни. Убедившись в своей догадке, Гу Цзинцзэ перевернул его на спину и слегка пощипал за щеку, пытаясь разбудить.

— М-м... — Цзян Фэн недовольно смахнул мешающуюся руку со своего лица и перевернулся на другой бок, намереваясь продолжить сон.

Видя такое, Гу Цзинцзэ подумал, что и впрямь переборщил вчера. Цзян Фэн ведь наверняка толком не выспался, а сегодня утром еще и он со своими нежностями — немудрено, что парня так клонит в сон.

Он снова перевернул Цзян Фэна, словно блин на сковородке, аккуратно поправил на нем одежду и, просунув руку под поясницу, без особых усилий поднял на ноги, принудительно включая режим бодрствования.

Цзян Фэн всё еще клевал носом. Глаза его были совершенно осоловелыми и пустыми, он абсолютно не соображал, что происходит, и лишь после настойчивых напоминаний Гу Цзинцзэ наконец окончательно пришел в себя.

На автопилоте плетясь следом за Гу Цзинцзэ, он спустился на первый этаж. Но стоило им оказаться у выхода, как в голове у Цзян Фэна словно молния сверкнула — он вспомнил кое-что важное и тут же остановил Гу Цзинцзэ, попросив подождать его снаружи, пока он быстренько попрощается с дедушкой Юем.

Во взгляде Гу Цзинцзэ мелькнула обида, а лицо сделалось кислым.

Он вылитый человек, с головой ухнувший в бочку с уксусом — от него за версту разило ревностью.

Видя его гримасу, Цзян Фэн не удержался от смеха. Он сам обхватил ладонями лицо Гу Цзинцзэ и чмокнул в щеку:

— Я мигом, сразу вернусь.

— Ладно уж...

Когда Цзян Фэн вернулся, все карманы на его одежде подозрительно топорщились. Озадаченный Гу Цзинцзэ тут же сунул руку в карман парня, стоило тому забраться в машину.

На свет появилась горсть леденцов на палочке.

— Управляющий Юй дал? — в голосе прорезались злые нотки, выдавая скрытое раздражение.

Цзян Фэн пристегнул ремень безопасности и, не обращая внимания на настроение Гу Цзинцзэ, потянулся за леденцами в его руке. Лицо его вспыхнуло, он молниеносным движением выхватил сладости обратно и запихнул в карман.

— Ага, дедушка Юй угостил. Переживает, что я проголодаюсь.

— А что же он тебе бутерброд не дал? От него сытости куда больше.

Язвительный тон резал слух.

В ответ Цзян Фэн вытащил из кармана аккуратно упакованную булочку и молча показал Гу Цзинцзэ.

Лицо Гу Цзинцзэ мгновенно почернело еще сильнее. На душе скребли кошки, а кислые волны ревности поднимались одна за другой.

Он наклонился к Цзян Фэн и обшарил все карманы до единого, успокоившись лишь тогда, когда убедился, что больше ничего не осталось.

— Ты чего! Ты же сам их не ешь! — возмутился Цзян Фэн, с болью в сердце наблюдая, как у него отбирают съестное.

— Не позволю есть чужое. Будешь только то, что я приготовлю, я по пути куплю что-нибудь получше.

Тяжело вздохнув, Цзян Фэн осталась сидеть без своих припасов. Не став больше спорить с капризами Гу Цзинцзэ, он отвернулся, обнял купленного им огромного плюшевого медведя, прижался щекой к его мягкому животу и потихоньку провалился в сон.

<http://bllate.org/book/22362/2344625>